

**К ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКИХ
СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКИХ КНЯЗЕЙ (МОГ ЛИ
КНЯЗЬ ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТИТУЛОВАТЬСЯ
«БОЛГАРСКИЙ» И «БОЛЫМЕЦКИЙ»)**

**THE HISTORY OF THE EASTERN POLICY OF THE GREAT
SUZDAL-NIZHNY NOVGOROD PRINCES (COULD THE PRINCE
DMITRY KONSTANTINOVICH TO TITULATE “BULGARIAN”
AND “BOLYMACKEY”)**

Сочнев Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Sochnev Y.V., Associate Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod Campus, Candidate of Historical Sciences

Аннотация

В статье проанализированы обстоятельства борьбы Суздальско-Нижегородского княжества за район среднего Поволжья, приведшей к нескольким походам на главный город региона Булгар. На основе изучаемых событий определена историческая обоснованность титулования князя Дмитрия Константиновича «болгарский» и «болымецкий». Достигнутый результат в свою очередь еще раз подтверждает достоверность интереснейшего источника – «местных» нижегородских грамот 60-х гг. XIV века.

Ключевые слова

Суздальско-Нижегородское княжество, нижегородское краеведение, «местные» нижегородские грамоты, князь Дмитрий Константинович, восточная политика Руси в XIV в.

Summary

The article analyzed the circumstances of the struggle of the Suzdal-Nizhny Novgorod Principality for the area of the middle Volga region, which led to several trips to the main city of the region Bulgar. On the basis of the studied events, the historical validity of the title of Prince Dmitry Konstantinovich “Bulgarian” and “Bolymackey” has been determined. The achieved result in turn once again confirms the validity of the most interesting source - “local” Nizhny Novgorod grams of the 60-ies XIV century.

Keywords

Suzdal-Nizhny Novgorod principality, Nizhny Novgorod local history, “local” Nizhny Novgorod letters, prince Dmitry Konstantinovich, eastern politics of Russia in the XIV century.

История великого Суздальско-Нижегородского княжества достаточно хорошо изучена, но при всех научных успехах и достижениях все еще остаются неразрешенные до конца вопросы. Связано это в первую очередь с ранней потерей этим субъектом средневековой политической истории своего суверенитета, что привело к значительной утрате собственно нижегородских и суздальских исторических источников. Но кое-что беспощадное время все же сохранило для современного любителя истории и исследователя.

Среди корпуса русских средневековых актов давно и заслуженно привлекают внимание нижегородские «местные» грамоты XIV века. Они дошли до нас в форме двух поздних списков, содержательно восходящих к одному документу, датируемому 1367/1368 годом. Подлинный акт, по всей видимости, хранился в нижегородском Печерско-Вознесенском монастыре и к великому сожалению до нас не дошёл. Однако в XVIII веке с него был сделан список, который хранился в московском архиве в сборнике второй половины XVIII в. из бывшего собрания Мазурина. В 1906 г. данный список обнаружил В.О. Ключевский, введший его в оборот, благодаря использованию в своей работе «Боярская дума». В период царствования Анны Иоановны, также в XVIII в., как полагают историки, в интересах опального кабинет-министра Артемия Петровича Волынского или даже по его прямому заказу (в целях прославления его рода было вставлено упоминание его предка Дмитрия Любартовича Волынского), на основе этой грамоты был подготовлен новый сокращенный список, имеющий признаки переделки. Несмотря на то, что грамота дошла до нас в позднем переложении и горячие споры по поводу её достоверности, большинство исследователей склоняются к признанию подлинности акта.¹

Содержание этой уникальной грамоты в наибольшей степени относится к характеристике политико-административных и иерархических отношений при дворе великого Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича, в период еще сохраняющегося могущества. Именно перечень служилых бояр, расписанных по местам в нижегородской думе, и привлек внимание В.О. Ключевского, первоначально его изучившего и разобравшего.² В то же время в грамоте есть сведения, проливающие свет и на развитие внешнеполитических от-

1 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. (АСВР). Т.3. М., 1964. № 307. С. 335–337.

2 Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М.: Ладомир, 1994. С. 120-121, Прим. С. 539-541.

ношений суздальско-нижегородских князей. Например, упоминание заслуг пожалованного боярством бывшего «гостя» Тарасия Петровича Новосильцева, заключавшиеся в двойном выкупе из плена самого великого князя Дмитрия Константиновича, а в третий раз княгини Марфы является наглядной иллюстрацией противоречивости политических отношений в ту сложную и драматичную эпоху.¹ Как видим, серьезные опасности подстерегали даже главу княжества и членов его семьи. Но наибольший интерес для анализа восточного направления политики Суздальско-Нижегородского княжества представляет полный титул Дмитрия Константиновича, приводимый в начале грамоты и более нигде в источниках не встречающийся. В отличие от кратких летописных наименований правителя «нижегородским», и нередко по традиции «суздальским», полный его титул звучал статусно и весомо: «князь великий новгородский Нижнева Нова града и суздальской, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и болымецкой, и подольской, и всея Понизовские земли заволских юрту и севернова государь».²

Если первая половина титулов великого князя Дмитрия Константиновича понятна и подтверждена сведениями разнообразных исторических источников, то со второй половиной все обстоит гораздо сложнее. В первую очередь обращают на себя внимание титулы «болгарской» и «болымецкой», сразу же вызывающие сомнения в своей достоверности. Скептическое отношение к ним вполне понятно – ведь в соответствии со средневековыми политическими традициями данные титулы должны были быть соотносимы с болгарскими городами, которые согласно всем данным о них, находились на территории соседнего с Нижегородским княжеством государства. Напомним, что Волжская Булгария, обретя независимость после окончательного распада Хазарского каганата в конце X в., просуществовала как мощное и суверенное государство вплоть до монгольского завоевания Восточной Европы в 30-х гг. XIII в. После этого её территории на среднем течении р. Волги вошли в состав Золотой Орды. Как же объясняется наличие обозначений болгарских городов в титуле великого Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича? Имелась ли для этого реальная основа или это результат поздних интерполяций в список нижегородской грамоты 1367/1368 г.? Попробуем разобраться.

1 Там же. С. 335.

2 Там же. С. 335.

Во время появления рассматриваемого акта Суздальско-Нижегородское княжество находилось в стадии своего апогея. Окончательно оформившееся в 1341 г. это государственное образование к началу 60-х гг. XIV в. настолько усилилось, что его правители осмелились бросить вызов московскому князю в борьбе за политическое лидерство. И хотя князь Дмитрий Константинович не сумел найти достаточно ресурсов, чтобы эффективно противостоять московскому натиску 1362–1364 гг. и уступил князю Дмитрию Ивановичу ярлык на великое Владимирское княжество, он по-прежнему оставался одной из самых заметных и влиятельных исторических фигур в Северо-Восточной Руси.¹ Вступив в союз с Москвой, и даже породнившись с будущим победителем ордынцев на Куликовом поле, нижегородский правитель, как показывают дальнейшие события противоборства с ханом Тохтамышем, не отказался полностью от своих честолюбивых планов. Уверенность и силы Дмитрия Константиновича основывались на динамичном расширении и развитии территорий его княжества, а также активном участии в торговле с волжскими городами в Золотой Орде. По этой причине восточное направление внешнеполитической деятельности суздальско-нижегородских князей было наиважнейшим. Кроме того пограничное расположение Нижегородского княжества еще больше усиливало его значение. События, активно разворачивавшиеся в 60–70 годах XIV в. на соседних территориях, формально входивших в состав золотоордынского государства, все больше требовали пристального внимания и быстрой реакции от нижегородских князей.

Хорошо известно, что во второй пол. 50-х годов XIV в. золотоордынское государство вошло в стадию нестабильности и стало стремительно двигаться к своему распаду. Главной причиной была начавшаяся ожесточенная борьба за верховную власть между ордынскими ханами, которые отчаянно воевали друг с другом и физически устраняли конкурентов, не считаясь при этом ни с государственными традициями, ни с кровнородственными связями. В ходе затяжной междоусобной войны в Золотой Орде в течение 20 лет престол занимали более 20 ханов, причем отдельные правители сидели на нем всего лишь по несколько дней. Вскоре устойчивая внутривнутриполитическая ситуация в степном государстве стала меняться: «В результате развившихся центробежных устремлений территория Золотой Орды в 1360-х годах являла собой значительное

¹ См.: Кучкин В.Н. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. Гл. 5.

число сравнительно мелких и более крупных владений отдельных феодалов, находившихся в состоянии постоянных междоусобиц. Последние, несомненно, довольно часто должны были менять соотношение сил феодальных группировок и территориального распространения их влияния».¹ Но главным событием, безусловно, стал раскол государства поволжских ханов на две части, рубежом между которыми оказалась р. Волга. Восточные территории за р. Волгой подчинялась по-прежнему находившемуся в Сарае ал-Джедид хану, а западные степные пространства от Волги до Днепра и Крыма контролировались Мамаем, хотя формально декларировались как принадлежавшие его марионеточным правителям. Специфика внутривосточной ситуации в Золотой Орде в 60-70-х гг. XIV в. привела к миграции населения из центральных районов государства на тихие окраины, где можно было надеяться пережить лихолетье. Вскоре туда же потянулись проигравшие в междоусобной войне феодальные владетели и опальные эмиры, бросившие свои центральные улусы и захватывавшие обширные приграничные владения с целью укрепиться там. Особенно заметным было движение в северные лесистые районы, на среднюю Волгу и правобережье Камы, которые входили в развитый Булгарский улус.

В русских летописях можно найти неоднократные сообщения о подобных акциях. Например, в начале 60-х годов XIV в. эмир Тагай, бывший правитель ордынского города Бельджамена (Бездеж), который находился на правом берегу Волги, в месте ее наибольшего сближения с Доном, бросил свои владения и двинулся на север, в район р. Мохши. В итоге летописец фиксирует: «Наручады ту страну отнял себе, ту живяше и пребываше».² Продержаться воинственному эмиру в этом районе удалось достаточно долго. Есть сведения, что «Тагай из Наручады» в 1365 г. напал на Рязанское княжество, взял г. Переяславль, но в итоге все же был разбит.

На территории южнее р. Пьяны, восточнее от места действий Тагая, обосновался еще один ордынский эмир Секиз-бей, стремившийся максимально обезопасить себя и для этого по сообщению летописи «обрывая рвом ту седе».³

1 Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М.: Наука, 1980. С. 195.

2 ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000. Стб. 70.

3 Там же. Стб. 71.

Для темы нашего исследования более интересен другой сепаратист – эмир Булак-Темир, в 1361 г. захвативший город Булгар, «и ту пребываше, отнял бо Волжьскы путь».¹

Ситуация в Золотой Орде существенно влияла не только на внутривластные отношения на Руси, определяя ход борьбы за ярлык на Великое княжение но и открывала новые возможности по освоению буферных территорий на золотоордынском рубеже. Особенно активно этим стали пользоваться Нижегородские князья, приступившие к еще более интенсивному освоению земель за пограничными реками Сурой и Пьяной. Установление Булак-Темиром контроля над торговлей на средней Волге, серьезно задевало интересы князя Дмитрия Константиновича, поскольку наполнение его казны в значительной степени зависело от свободы торговли и активности товарооборота. Кроме того, новоиспеченный Булгарский правитель не довольствовался взиманием пошлин с торговли, а был совсем не прочь пополнить свои доходы за счет грабежа земель за Сурой и в других районах вблизи нижегородских границ. Таким образом, столкновение двух претендентов становилось практически неизбежным.

В 1367 г. отряды Булак-Темира напали на правобережные уезды вдоль р. Волги, дойдя до её притока р. Сундовик, где уже начали осваиваться нижегородские князья, среди которых наиболее значительные владения здесь имел Борис Константинович. Летопись сообщает: «князь Ординьскыи именемъ Боулатъ Темиръ прииде ратию Татарьскою и пограби оуездъ даже и до Волги и до Соундовити и села княжи Борисовы. Князь же Дмитреи Костянтинович[ь] съ Борисомъ и съ Дмитреемъ и съ своими детми, собравъ воя многы, и поидоша противу его на брань, онъ же ока[а]нныи не ста на бои, но бежа за реку за Пиану, и тамо множество Татарь останочныхъ избиша, а друзии въ реце въ Пиане истопоша и по зажитиemy множество ихъ побиени быша, имъ же несть числа. А Булакъ Темиръ отътуду бежа въ Орду, гонимъ гневомъ Божиимъ, и тамо оубиенъ бысть отъ Азиза царя».²

В данном сообщении обращает внимание отступление Булак-Темира без боя и его последующее бегство не в ранее контролируемый Булгар, а в столицу Золотой Орды, где он и нашел свою смерть. О причинах такого поступка летописец молчит. Исходя из практически полного разгрома ордынского войска, можно обосновано предполагать,

1 Там же. Стб. 70.

2 ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Стб. 85.

что г. Булгар реально остался без защиты. В таких условиях никто и ни что не могло помешать войскам князя Дмитрия Константиновича (или хотя бы какому-то его отряду) захватить этот стратегически важный во всех отношениях город. Получаемые от этого выгоды и преимущества многократны и очевидны: улучшение торговых дел, создание плацдарма для защиты интересов на восточных рубежах, облегчение продвижения в приграничной буферной зоне и т.д. Вероятно, удержать приобретенный город было проблематично, но усилия были оправданы. Именно такой вариант развития событий допускал известный исследователь истории Волжской Булгарии А.П. Смирнов, описывая последствия для Булгара столкновения 1367 г.: «несомненно, что город был взят и в какой-то мере пострадал, но у нас нет никаких оснований говорить о полном его разрушении».¹

Приведенные размышления историка представляются правильными еще и по следующим соображениям: логика военного противоборства в средневековье предписывала нанести противнику максимальный ущерб, подорвать самые основы его могущества и силы, а для этого нужно уничтожить или захватить пункты его тылового базирования. Именно такой тактики придерживались, судя по летописным рассказам, нижегородская и московская дружины во главе с Борисом Константиновичем в ответном походе возмездия 1377 г. против мордовских князьков, вассалов могущественного временщика Мамая.² Таким образом, соотнося летописные сообщения с «местной» грамотой Дмитрия Константиновича с большой долей уверенности можно предполагать появление у него оснований добавить к своему титулу определение «Болгарский».

Что касается определения «Болымецкий», то по всей вероятности, оно должно быть связано с булгарским городом Балымер (Булымер), существовавшим в золотоордынский период.³ Сохранившиеся до настоящего времени остатки города под названием Балымерское городище размером примерно 3,5 га располагаются на южной окраине села близ села Балымеры в современном Спасском районе республики Татарстан. Территориально этот город, также по всем признакам игравший заметную роль в торговле, находился недалеко от Булгара и мог быть попутно захвачен русскими дружинами. Возможен и несколько

1 Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Изд. ГИМ, 1951. С. 68.

2 ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб. 120.

3 Смирнов А.П. Указ. соч. С. 167; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. С. 150–152.

иной вариант развития событий. В политическом и экономическом отношении Балымер (Булымер) мог быть зависим от более крупного столярного Булгара, входя в его территориальный административный округ (или улус). Соответственно, после изменения (пусть краткого и формального) политико-административного статуса главного города он автоматически поменял владельца. Для нижегородского же князя включение в титул дополнительно к главному геополитическому трофею названия еще одного покоренного города было пропагандистским приемом для поднятия своего престижа.

Дальнейшие события показали, что успех 1367 г. не был однократным и случайным, а означал начало целой компании борьбы с опасными для русских князей и, как позже выяснится, для ордынского временщика захватчиками стратегически важного Булгара. В начале 60-х годов XIV в. Мамай только начинал свою борьбу за верховную власть в Орде и всецело был ею поглощен, что предоставляло русским князьям определённую свободу действий. Но вскоре Мамай укрепил свои позиции и начал более энергично противостоять сепаратизму окраинных феодальных правителей. Применительно к территориям среднего Поволжья его интересы на этом этапе совпали с целями русских князей. Результатом явился новый масштабный поход 1369/1370 г. на Булгар: «Того же лета князь Дмитрией Костянтинович[ь] Суждальский съброя многи, посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василиа, а съ нимъ посоль царевъ, именемъ Ачихожа, и посла я на Болгарскаго князя Осана. Осанъ же посла противу ихъ съ челобитиемъ и съ многими дары. Они же дары вземше, а на княженъи по-садиша Салтана Бакова сына, и възвратишася на Русь».¹ Хотя нижегородские князья, как видно из летописного сюжета, приняв посла Ачихожу, формально действовали в союзе с Мамаем и в его интересах, успешный исход акции, безусловно, открывал для них дополнительные возможности реализации своих задач, в том числе по продвижению на восток и юго-восток на приграничных территориях. Именно в этом контексте, следует рассматривать действия князя Бориса Константиновича в 1372 г.: «... постави собе город на Суре, и нарече имя ему Курмышь».²

Это сообщение вступает в определенное противоречие с информацией о титуловании князя Дмитрия Константиновича «курмышский» уже в 1367/1368 г. Нижегородский историк В.П. Макарихин

1 ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Стб. 92.

2 Там же. Стб. 100.

категорично писал: «В «местных» грамотах указано время их составления – 1368 г. Однако наличие в титуле нижегородского князя термина «курмышский» позволяет считать эту датировку неправильной. Курмыш на Суре был основан в 1372 г.»¹ Представляется, что к этому вопросу нельзя подходить упрощенно и догматически, летопись не является строго документальным источником, несмотря на общепризнанный приоритет среди информационных ресурсов. К тому же и города, как правило, не возникали спонтанно в одночасье, а имели более или менее длительную историю формирования. Скорее всего, летопись отразила уже некий итог этого процесса для Курмыша, а устаревшие на сегодняшний день историографические и источниковедческие традиции придали дошедшей до нас информации значение первоосновы. На такие размышления наводит, например, упоминание сел князя Бориса Константиновича в 1367 г. в ходе противостояния с Булак-Темиром. Едва ли жители этих сел в столь бурное время и в таком беспокойном регионе могли обходиться без укреплений. Кроме того понятие «курмышский» совсем не обязательно жестко должно было быть связано с городом, а скорее с определенной владельческой территорией.

Следующий шаг в наступлении на Булгарских правителей был сделан в 1376 г., когда в столице утвердился некий князь Асан: «Тое же зимы князь великий Дмитрии Иванович[ь] посла князя Дмитрия Михайловича Вольньскаго ратию на безбожных Българы, а князь Дмитрии Костянтинович[ь] Суждальский посла сына своего князя Василиа и другаго сына своего князя Ивана, а съ ними боярь и воеводъ и воя многы». Несмотря на попытки булгарских ратников защищать город даже с применением артиллерии и верблюжьей конницы, «наши же никако же устрашаются грозы ихъ, но крепко противу стаха на бои и устремишася нанъ единодушно и скочиша на нихъ, они же окаянии побегоша въ градъ свои, а наши после биючи и убита ихъ числомъ Бесермень 70. И высла изъ города князь Болгарьский Осанъ и Махматъ Солтанъ и добиста челомъ князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ. Наши же въ возвратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможника посадиша, а ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша и отъидоша съ победою».²

1 Макарихин В. П. О титуле великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича в «местных» грамотах XIV века // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький, 1985. С. 20.

2 ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Стб. 116–117.

Итоги данного похода на Булгар, особенно утверждение в этом ключевом пункте масштабной волжской торговли русских «даруги» и «таможника», явно указывают на главные цели этой экспедиции. Русские князья, уже совместными усилиями, продолжили борьбу за установления контроля над средневожским регионом, где все главные торговые потоки в данный период, так или иначе, замыкались на Булгаре. Как уже отмечалось в 60-70-х гг. XIV в. развитие внутривнутриполитической ситуации в Золотой Орде позволяло русским князьям попытаться побороться за стратегическое господство здесь, что обещало значительные доходы. Рассматриваемые события отчетливо показывают стремление набирающей силу Москвы, не имевшей пока возможности определять внешнеполитические процессы, активно участвовать в них. В дальнейшем, после ликвидации независимости Нижегородского княжества московские князья уже монополично осуществляли подобные акции против восточных противников, а также бывших нижегородских союзников, которые пытались отсидеться и набраться сил в приграничных буферных зонах.

Летописи сообщают, что следующий поход на Булгар в 1395/1396 гг. был вызван действиями суздальского князя Семена Дмитриевича, изгнанного великим князем Василием и нашедшего убежище в золотоордынских пределах. Наследник Дмитрия Константиновича, совместно с болгарским царевичем Ентяком и его тысячным отрядом, пришел под Нижний Новгород и осадил город. Крепость была захвачена и ограблена войском Ентяка. В ответ русские дружины под руководством великого князя вторглись в болгарские земли, провоевали там три месяца, взяли города Болгар, Жукотин, Казань и Керменчук, и в итоге благополучно возвратилось домой с внушительной добычей.¹

Большое историческое поражение Нижегородского княжества в противоборстве с Москвой, все же не должно затушевывать его заслуг в деле продвижения русского влияния за восточные пределы. Именно нижегородские князья первоначально инициировали и возглавляли этот процесс, по сути означавший начало тех глобальных достижений и свершений, которые в исторической перспективе привели к формированию многонационального Российского государства и российской цивилизации.

Возвращаясь к изначально сформулированной теме данной статьи, можно констатировать наличие исторических оснований для под-

1 ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Пг., 1915. С. 102; ПСРЛ. Т. XI. Патриаршья или Никонская летопись. М., 1965. С. 164.

тверждения определений «болгарской» и «большецкой» в титуле великого Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича. А это в свою очередь должно служить еще одним признаком достоверности «местных» грамот XIV века, а по сути, одного документа, вышедшего из придворной нижегородской канцелярии в 1367/1368 г. Хочется надеяться, что проделанная автором работа будет способствовать еще более активному использованию этого интереснейшего источника и достижению новых исторических результатов.

Список литературы:

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. Т.3. М., 1964.
2. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь. М., 1997.
3. Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987.
4. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
5. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М.: Наука, 1980.
6. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987.
7. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М.: Ладомир, 1994.
8. Кучкин В.Н. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
9. Макарихин В.П. О титуле великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича в «местных» грамотах XIV века // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький, 1985. С. 19–22.
10. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.
11. ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. Пг., 1915.
12. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршья или Никоновская летопись. М., 1965.
13. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000.
14. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Изд. ГИМ, 1951.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. М.: Изд. МГУ, 1973.
16. Храмовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. В 2-х частях. Н. Новгород, 1857. Ч.1.